

видел подражательство. Народные русские песни, их «поэтическую силу, необыкновенность образов, полноту чувств»¹⁴ он предпочел «новейшим, преимущественно рифмованным песням русским, которые заимствованы у иностранцев и сочтены из пустых понятий».¹⁵ Предпочтение народной русской песни искусственной имело еще одну причину. «Собрание разных песен» Чулкова воспринималось чешским поэтом и ученым в свете современных стремлений создать оригинальную чешскую поэзию, народную также в отношении стихосложения. Эти стремления проявлялись в резком отказе от той современной чешской поэзии школы Пухмайера, которая была результатом заимствования условных образцов иностранных литератур и использовала равномерное чередование ударных и безударных слогов и рифмовку. Новым поколением (Шафарик, Палацки) такая техника стиха ощущалась как слишком механическая, слишком упрощенная и вследствие этого малохудожественная. Ударяемость и безударность соответствовали динамике в музыке, следовательно, они казались аспектом второстепенным по сравнению с аспектом времени, который имеет место только в более сложных ритмах. Силлабо-тонический стих в свете новых метрических стихов нового поэтического поколения на самом деле казался лишним аспектом времени. В полемическом сборнике «Начало чешского стихотворства»,¹⁶ объясняющем правила метрического стихосложения, ритм был определен как «правильное развитие элементов в определенной мере времени». Новое поэтическое поколение, упрекая стихи своих предшественников в бедности ощущения времени и в механичности, искало новые формы в оригинальной народной поэзии, так как «...техника стихотворства по своей природе должна быть затрудненная». Поэтов предшествующей школы новое поколение упрекало в отсутствии гармонии, которую не может заместить «бездушная рифма»,двигающаяся, как «аист, однообразным прыжком, длинноватым и слабым».

Чешский стих, против которого направлены вышеуказанные возражения, был похож на тот стих, каким написаны искусственные салонные песни чулковского сборника, и ощущался как малохудожественный. В противоположность ему народные песни из второй части чулковского сборника, которые не подвергались механической упорядоченности стоп и рифм, казались реализацией «свободного духа», они считались более ценными в эстетическом отношении и поэтому более желательными для новой чешской поэзии. Они воспринимались как выражение славянского гения и как таковые были достойны воспроизведения

¹⁴ Čelakovský Fr. L. Slované národní písne, díl III, s. 226.

¹⁵ Позже И. Н. Розанов подобным же образом оценивает эти песни: «Любовные песенки Сумарокова и его подражателей, очень популярные среди дворянской столичной молодежи, были переделками или подражаниями любовной лирике» (Розанов И. Н. Песни о гостинном сыне. — В кн.: XVIII век. М.—Л., 1935, с. 221).

¹⁶ Počátkové českého básnictví, obzvláště prozodie. Praha, 1818.